

позволяло вести прицельный огонь на дальность 250-300 метров.

Подготовка к партизанской войне велась органами НКВД с соблюдением мер предосторожностей, чтобы сохранить в тайне проводимые мероприятия. Это было одним из главных условий успешных действий на захваченной территории. Для этого партизанские отряды формировались под видом подразделений истребительных батальонов. Руководство органов НКВД постоянно обращало внимание на необходимость сохранения этой работы в тайне. Только сейчас появилась возможность рассказать об этих событиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Новиков М.В. Внешняя политика СССР в Европе в 1933-1941 гг. (Учебное пособие): Ярославль, 1996. 40с.
- ² Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль: 1930-1950 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1998. С. 197-199.
- ³ Нюрнбергский процесс // Сборник материалов в двух томах. М., 1958. Т. 1. С. 481, 640-641.
- ⁴ История второй мировой войны. М., 1975. Т. 4. 128с.

М. А. Грибков

ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС В ПРЕДКОЛОНИАЛЬНОМ ЕГИПТЕ

(Социокультурные истоки формирования национально-патриотической оппозиции в последней трети XIX в.)

В настоящей статье делается попытка переосмыслить роль египетского офицерства в освободительном движении последней трети XIX в. в контексте процесса социальной модернизации, то есть включения в современные сферы деятельности (профессия, политика, идеология) выходцев из самой массовой категории населения страны — крестьянства. Сюжеты, имеющие непосредственное отношение к данной теме, затрагивались и в прошлом в трудах отечественных арабистов. Однако они чаще всего интерпретировались в их содержании постановкой проблемы реформирования, состава и структуры офицерского корпуса,

оценки положения и позиций составляющих его группировок и их лидеров с точки зрения их этнонациональной принадлежности и социальных перспектив и, соответственно, прогрессивности или реакционности их политических симпатий и антипатий. Базируясь преимущественно на теории марксизма, такой подход заведомо подчинялся жесткой схеме анализа общественного движения, в котором египетские офицеры попытались взять на себя “миссию авангарда”.

За последние годы парадигма исторических исследований изменилась. Выкристаллизовались иные, альтернативные марксизму, подходы к изучению политических процессов на Востоке, убеждающие в необходимости и перспективности разработки данной темы, в частности, разработка её под углом зрения цивилизационной специфики, политической культуры и формирующихся на этой основе представлений о национально-значимых целях политики в периоды всплесков освободительных движений на Востоке в новое и новейшее время.

Попытаемся в этой связи охарактеризовать специфику социокультурной среды, из которой черпал свой “человеческий материал” египетский офицерский корпус в условиях, когда армия превратилась в своего рода “социальный лифт”, позволявший выходцам из народа подниматься “наверх” и уже на этой основе реконструировать мировоззренческие позиции её вождей, претендовавших на самостоятельную роль в период, предшествовавший колониальному порабощению страны.

Одновременно с превращением Египта в централизованное государство на смену иррегулярным формированиям пришла созданная по европейским стандартам армия с современными родами войск. Руководство ею осуществляли офицеры, получившие профессиональную подготовку в специальных учебных заведениях.

В середине XIX в. военные училища были не только центрами профессиональной подготовки специалистов для армии и бюрократического аппарата, но и способствовали распространению в среде этой европейски образованной части общества западных идей прогресса, демократии, политической организации. Не будет преувеличением утверждать, что развитие системы современного образования в Египте подготовило почву для возникновения и консолидации первых элементов гражданского общества. Уже в 70-е гг. XIX в. в стране функционировали многочисленные кружки, клубы и центры пропаганды таких идей. А в 1879 г. появилась первая в истории страны политичес-

кая организация — Национальная партия (аль-Хизб аль-Ватани). Инициаторами её создания были представители старшего поколения военно-бюрократической элиты, получившие образование за границей, — Шериф-паша, Рагиб-паша, Шахин-паша, Лютфи-паша, генерал Ахмед Рашид и другие.¹

Лозунги Национальной партии, облеченные в националистическую форму, оказывали сильное воздействие на офицерский корпус, в который к этому времени влилась мощная волна пополнения из рекрутированных либо добровольно поступивших на военную службу египтян. По свидетельству американского исследователя Дж. Коула, численность армии за время Суданской кампании (1860–1876 гг.) увеличилась с 26 до 124 тыс. человек,² следовательно, ее младший и средний командный состав за те же годы вырос по меньшей мере с 6 до 20 тыс. человек.³ Такое количество офицеров не могли подготовить национальные учебные заведения. Иными словами, основная масса нового пополнения в рядах командования поднялась из рядовых солдат, прошедших курсы форсированной профессиональной подготовки, которые обеспечивали ускоренные темпы и сроки подготовки младших армейских командиров. Для обучения на них отбирались толковые и грамотные молодые египтяне из провинции.⁴

Заметим, что таких добровольцев становилось все больше, так как положение крестьянства — среды, с которой они были связаны генетически, катастрофически ухудшалось в результате обнищания египетской деревни в условиях непомерных поборов и налогов в годы правления хедива Исмаила (1863–1879), поэтому многие феллахи прибегали к проверенному веками способу выживания. Они бросали свою землю и отправлялись на заработки в города.⁵ Но и в столичных центрах потенциальная сфера приложения сил для сельских мигрантов была весьма ограниченной. Поэтому в ситуации выбора (поиски работы и случайные заработки или положение рекрута с фиксированным жалованьем) большинство из них предпочитало армию. Словом, многие выходцы из провинции включались в процесс социальной модернизации фактически против своей воли, под давлением обстоятельств гораздо более могущественных, чем стремление получить военную профессию.

Так в армию попадали десятки тысяч выходцев из народа, в массе которого усиливалось стихийное недовольство своим положением. Это были египтяне в возрасте от 30 до 35 лет, добившиеся производства в офицеры благодаря личным заслугам и благоприятному стечению обстоятельств. В

отличие от вестернизированной военно-бюрократической элиты, выражавшей свои устремления в категориях, заимствованных из политической культуры западных наций, их идейные представления и взгляды как бы проходили сквозь фильтры крестьянской ментальностиTM и уже в ином, преобразованном виде и привычных образах становились пружиной их социального и политического поведения. В этом смысле Национальная партия была больше, чем просто политическая организация, возглавляемая вождями старшего поколения служилой аристократии, пропагандировавшей идеи конституционализма и парламентаризма, чтобы защитить свои гражданские и земельные права. С включением в её ряды выходцев из провинций она быстро превращалась в массовое националистическое движение. Специфика этого процесса состояла в том, что он развивался под лозунгами де-вестернизации идеалов, почерпнутых из западных идеологических и политических доктрин. Персонифицировали эту тенденцию офицеры младших и средних рангов. Под их руководством египетская армия, втянутая в круговорот политических событий, попыталась направить их ход от “имени тех, кто умел обрабатывать землю”, а не политических лидеров, способных формулировать и проводить в жизнь свои прагматические интересы без оглядки на тяжелое положение народа.

В стране, где целые сферы экономической, общественной и политической жизни все еще сохраняли средневековые черты, для офицеров, выходцев из крестьянской среды, источником мировоззренческих ценностей и моральных принципов оставались нормативные законы, базирующиеся на предписаниях религии. Инструментом их передачи из поколения в поколение служила семья (аила). Но было бы неверным ограничивать этот термин лишь узкими рамками понятия “семейный коллектив”. Естественным продолжением семьи была сельская община (джамаат). Она объединяла несколько сот или даже тысяч жителей и представляла собой обобщенную модель большой деревенской семьи с присущими ей сущностными характеристиками, свойственными патриархальному обществу. И, наконец, в более широком значении этого слова семьей для египтянина оставалась умма — община правоверных мусульман.

Попытаемся в этой связи выявить влияние этих институтов на формирование представлений и взглядов египетских офицеров, предложивших свою программу освобождения Египта от иностранной зависимости.

По определению зарубежного исследователя А. Айру, семья египетского феллаха — это группа людей, обрабатывающих землю.⁶ Она являлась центром, к которому восходили его территориальные и профессиональные связи и отношения родства. На протяжении веков семья твердо ориентировала каждое новое поколение на неизменность установленных традиций, идеалов и морали. В её кругу феллах с детства постигал нормы поведения, свое место в семье, представления об окружающем мире. Только после завершения этого “курса наук” юноша-феллах женился и оставался жить в родной деревне полноправным общинником. Обстоятельства, вырывавшие его из привычного уклада, казались ему чуть ли не катастрофой, ибо жить вдали от дома, семьи и близких означало, по его мнению, попасть в худший вариант рабства.⁷ Поэтому неудивительно, что простые крестьяне противились всему, что могло вырывать их детей из традиционного уклада жизни. Случалось, родители даже калечили сыновей, лишь бы их не отрывали от семьи и привычного существования.⁸

Однако в результате катастрофического положения в провинции и ухудшения жизненных перспектив эти взгляды поменялись на прямо противоположные. Феллахи были вынуждены покидать деревни, ибо им грозил голод, и искать применение своим силам в чужом для них мире. Адаптация к иным условиям жизни у них происходила по-разному, но зависела от возраста мигрантов. Те из них, кто под влиянием обстоятельств покидал деревню в юношеском возрасте, сравнительно легко адаптировались к новым условиям бытия. Так, попадая в армию, они не только приспосабливались к специфике военной службы, получали профессиональную подготовку, воинские звания, но и вовлекались в политику. Как социальная проекция крестьянского недовольства в армейских кругах эта политизация была опосредованной реакцией египетских офицеров на разорение деревни и разрушение традиционных защитных механизмов сельской общины (джамаат), помогавших крестьянину пережить трудные времена.

В прошлом, покидал ли феллах свою родину в поисках работы или его насильно рекрутировали в солдаты, деревенская община оставалась гарантом его возвращения, а в случае непредвиденных обстоятельств — гибели или потери трудоспособности кормильца — она обеспечивала поддержку его семье.

Вчерашние феллахи верили в незыблемость сложившихся деревенских устоев и рассчитывали на них. Подобные взгляды разделяли и те из них,

кто выслужился в офицеры. Они, по свидетельству египетского историка аз-Зията абд аль-Халима, никогда не забывали своей деревни, поддерживали с ней связь, беспокоились о состоянии урожая, судьбах родственников и близких, посылали им часть своего жалованья в случае необходимости.⁹ Если не все из них, то многие надеялись по окончании службы вернуться на родину, где их ждал родительский дом, земля, поддержка и уважение земляков. Между тем, положение сельского населения катастрофически ухудшалось, а его жизнь “над пропастью разорения” разрушала семейно-клановые и групповые формы патроната и солидарности в деревенском сообществе (общине). Неурожай 1877-78 гг. сопровождался массовыми разорениями феллахов по всей стране. На краю гибели оказались не только бедняки, но и зажиточные крестьяне, то есть представители тех стабильных групп деревни, которых нормативные законы общины (ат-тадам) обязывали помогать обездоленным в случае стихийных или иных бедствий.¹⁰

Отчаявшись привлечь внимание хедива к невыносимым условиям своей жизни, деревня уповала на армию как на свою спасительницу, а сама армия, брошенная на произвол судьбы, сочувствовала тяжелому положению провинции. Особенно болезненно она воспринимала разрушение того уклада деревенской жизни, который не только солдаты, но и офицеры — выходцы из крестьянской среды — считали “естественным состоянием вещей”.

Жертвой бездумной политики правительства считали себя и сами египетские офицеры. Сокращение военного бюджета, механическое снижение численности войск, массовое увольнение из армии командиров младшего и среднего ранга без последующего пенсионного содержания — все это активизировало процесс отчуждения офицерского корпуса от власти, равнодушной к судьбе вооруженных сил.

Высшее командование не составляло исключения. Ощущение дискриминированности, интеллектуальный уровень и умение формулировать требования на политическом языке европейцев сделали отдельных его представителей теоретиками националистического движения, а в качестве таковых они связали армейскую оппозицию с вестернизированными городскими группами общества, добивавшимися проведения конституционных реформ. Требования этой элитарной (в культурном и экономическом смысле) и изолированной от основной массы соотечественников группировки сформулировал генерал Мухаммед Шериф-паша. Раз-

работанный им Национальный манифест, известный под названием “Органического Закона”, предусматривал ограничение власти хедива парламентом.¹¹

Лидеров более широкой и- менее элитарной группировки офицерского корпуса не устраивал “европейский радикализм” военной элиты. Они иначе представляли себе выход из затянувшегося экономического кризиса. Поначалу в этой среде вызревала идея заговора. Сторонники этой идеи имели разные воинские звания и принадлежали к различным этно-национальным группам населения. Единственно, что их объединяло, это убеждение, что судьба армии нераздельна с судьбой провинции, из которой они вышли и куда многие (если не большинство) намеревались вернуться по окончании службы.

Уже в 1876 г. в армии появилось первое тайное общество. Его возглавлял подполковник (каймакам) Али ар-Руби. По признанию Ахмеда Ораби, примкнувшего к заговорщикам в том же году и ставшего одним из руководителей общества, они намеревались сместить хедива, но, как показали дальнейшие события, отказались от первоначального плана и ограничились требованиями свержения проевропейского кабинета во главе с премьером Нубар-пашой.¹² Такое решение предотвратило размежевание в рядах военной оппозиции.

Идея переворота как мести хедиву за его равнодушие к судьбе армии и страны трансформировалась в иные установки. Бывшие заговорщики, “взяв на себя ответственность, говорить от имени народа, который молчал”, решились на то, чтобы его пробудить. В стране с мощным пластом традиционности подготовить почву для контактов армии и провинции должна была идея уммы. Как синтез большой (богословской) и малой (народной) исламской традиции, эта идея была призвана указать ориентиры неграмотным и полуграмотным массам деревни и города, для которых понятия “конституция” и “парламентаризм” были неприемлемы. Их представления о легитимности (или не легитимности) верховной власти базировались на догматах религии, хадисах и заповедях шариата.

С абстрактного, то есть богословского, на конкретный уровень восприятия нормативные представления о легитимности власти перевели идеологи Нахды. Они объявили политический деспотизм формой правления, противоречащей духу ислама, и предлагали исцеление от общественных и социальных пороков тирании путем ограничения произвола власти представительным парламентом.

Основываясь на этом учении, “крестьянские командиры” — выходцы из среды, в менталитете которой консерватизм сочетался с нетерпимостью к отклонению от справедливых норм ислама, получали моральное право на политическую инициативу. Концепция государства — уммы, в котором недопустим произвол власти, позволила им, не порывая с традиционной ментальностью, принять идею парламентаризма.¹³

Религиозное мировоззрение, через призму которого приверженцы А. Ораби-паши осмысливали идею парламентского представительства, обеспечивало военной оппозиции поддержку со стороны улама, то есть служителей культа, шейхов тариката, преподавателей медресе, шариатских судей и т.д. Престиж этих лиц в обществе того времени был необычайно велик, а авторитет непрерываем, особенно в провинции.

Их союз с лидерами военной оппозиции был закреплен 2 апреля 1879 г. подписанием Национального манифеста и таким образом привел к объединению в один политический блок интеллектуалов-западников, ориентированных на европейские стандарты цивилизации, и традиционалистов

—улама, настроенных к ним враждебно.

Установкой, цементирующей это единство, стал лозунг “Египет для египтян”, а общим знаменателем различных исходных мировоззренческих принципов

— эклектизм. Перечень требований, изложенных в Национальном манифесте и обращенных к хедиву, стал первой политической программой этого блока, добивавшегося освобождения страны от иностранной зависимости и проведения конституционных реформ.

Можно утверждать, что до февраля 1882 года национально-освободительное движение развивалось в русле программных установок, сформулированных умеренными вождями Национальной партии. Они исходили из идеи постепенного реформирования египетского общества и добивались формирования правительства с участием ватанистов, стоявших у истоков партии. Предполагалось, что создание такого кабинета будет началом преобразований, программа которых была изложена в очередном ноябрьском 1879 г. Манифесте аль-Хизб аль-Ватани.¹⁴

Подобные надежды на кабинет ватанистов возлагала и военная партия (аль-Хизб аль-Джихади). Она оформилась в январе 1881 г., а её лидеры — А. Ораби, Али Фахми и Абд аль-Аль — поднялись в руководстве движением “за национальные права

и привилегии египтян”. Таким образом, в условиях, когда армия, послушная приказам своих командаров, достигла опасной степени автономности от власти, лидеры, составившие умеренное крыло ватанистского блока, могли рассчитывать на поддержку и солидарность военной корпорации.

В свою очередь армейский авангард, группировавшийся вокруг А. Ораби, обеспечил реализацию практической цели Национальной партии. В сентябре 1881 г. восставший каирский гарнизон привел к власти правительство, в котором ключевые посты получили М. Шериф-паша и его сторонники из числа умеренных ватанистов. С этого времени соотношение сил в руководстве национальным движением постепенно изменялось в пользу вождей военной партии. Уже декабрьская программа Национальной партии 1881 г. несла на себе отчетливый отпечаток политического самовыражения “партии полковников”. Сочетание в ней идей конституционализма и парламентаризма с османизмом, то есть лояльностью к турецкому султану, дополнялось постулатом о верности религиозным традициям ислама.¹⁵

Формально — новая Программа декларировала единство ватанистов, фактически — центробежные тенденции к концу того же года резко обозначили полюса противостояния в их рядах. Как реакция, подчас спонтанная, “на предательство” Шерифа-паши, проводившего соглашательскую политику по отношению ко двору и европейским державам, это противостояние в очередной раз вывело египетскую армию на острие политических событий. 3 февраля 1882 г. она свергла правительство умеренных националистов и заставила хедива сформировать кабинет, в котором доминировали сторонники решительных действий, а сам Ораби-паша получил пост военного министра.

Получив поддержку Палаты депутатов, созданной по инициативе правительства, приверженцы Ораби-паши попытались осуществить ряд реформ. Известные под названием “Программа 27 февраля”, они гарантировали населению гражданские и земельные права, упорядочивали систему налогообложения в интересах помещиков, ограничивали привилегии европейских чиновников и т.д.¹⁶ Однако убедившись, что задуманные мероприятия остаются нереализованными проектами из-за сопротивления абсолютистской власти и маневров западных держав, правительство, в котором решающей силой были сторонники Ораби-паши, приступило к чистке государственного аппарата и армии от лиц, известных своими проевропейскими настроениями и симпатиями к монархии или по-

дозреваемых в них. Перестановки, увольнения и перемещения изменили судьбы сотен офицеров и чиновников¹⁷ и тем самым разделили военно-бюрократическую организацию на врагов и друзей Ораби-паши. В дальнейшем граница, разделявшая их, превратилась в непреодолимый барьер, а выход из ватанистского блока умеренной фракции во главе с М. Шериф-пашой в значительной степени размыл политический центр национального движения. Уже с весны 1882 г. динамику политических и идеологических процессов направляла “партия полковников”, то есть сторонников А. Ораби-паши в союзе с традиционалистами — улама.

Кампанию египтизации военно-бюрократических структур религиозные деятели восприняли как сигнал к действию. Уже в весенние месяцы 1882 г. служители ислама открыто призывали к очищению страны от “европейской заразы”, к изгнанию неверных из Египта и аннулированию долгов. Кульминацией летних событий стали погромы и межконфессиональные столкновения, следствием которых стало бегство хедива и европеизированных слоев общества в Александрию под защиту англо-французской эскадры.

Однако было бы неверным, на наш взгляд, считать переход этой внутренне противоречивой и социально неоднородной части населения на сторону европейцев только изменой и предательством национальных интересов. Движение, набравшее силу под лозунгами девестернизации, то есть реставрации традиционных форм бытия, сознания, идеологии, предлагало неприемлемую для неё альтернативу. Ни хедив и его свита, равно как и его политические оппоненты — европейски образованная элита, ориентированная на конституционные формы, не видели для себя места в обществе, в котором основой легитимности власти улама провозгласили справедливые законы шариата. Отныне теоретиками национально-освободительного движения стали шейхи тарика, а лидером с непрекаемым авторитетом вождя нации — А. Ораби-паша.¹⁸

В условиях, когда идеи патриотизма и национального единства, а также суждения о легитимности верховной власти интерпретировались исключительно с позиций ислама, социальная организация массового антииностранный протеста стремительно обретала черты политико-религиозного движения. Оно не имело классовой направленности и опиралось, в сущности, на поддержку не затронутых основательно современностью слоев народа. Под лозунгами борьбы с неверными объединились провинциальные нотабли и крестья-

яне, торговцы и чиновники, городские низы и представители феодальной аристократии, в том числе и некоторые принцы крови.¹⁹

В политическом плане это означало то, что закладывались основы взаимодействия армии с тем сектором общества, настроения, мысли и чаяния которого были созвучны стереотипам традиционного правосознания. Для них, то есть этих стереотипов, не требовалось серьёзного идеологического обоснования, достаточно было апелляции к эмоциям мусульман. Иными словами, мощная струя политико-религиозного движения демонстрировала (возможно, и вопреки подымавшемуся на его волне в лидеры со “священными полномочиями” А. Ораби) потенциал сопротивления европейскому влиянию и переменам, навязанным извне.

Восходящая линия этого сопротивления (восстание под знаменем джихада) была прервана вооруженной интервенцией англичан в сентябре 1882 г. Его поражение стало началом длительного социального и духовного кризиса нации. Потребовалось более четверти века, прежде чем начался новый этап освободительного движения. За это время египетский национализм окончательно утратил специфику, придаваемую ему османизмом и религией, а Вафд (организация, возглавившая борьбу за независимость) с самого начала заявил о себе как секуляристская либерально-реформистская партия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Кошелев В.С. Египет от Ораби-паши до Саада Заглула. 1879-1924. М., 1992. С. 58, 75, 77.
- ² Cole J.R. Colonialism and Revolution in the Middle East: Social and Cultural Origins of Egypt's Urabi Movement. Princeton, 1993. P. 218.
- ³ Рассчитано по; Иса Салах. Ас-Саура аль-Урабийя. Бейрут, 1973. С. 130; Черновская В.В. Формирование египетской интеллигенции в XIX - первой половине XX в. М.: Наука, 1979. С. 104; Cole J.R. Colonialism... P. 218.
- ⁴ Подробнее см.: Иса Салах. Ас-Саура... С. 128; Норов А. Путешествие по Египту и Нубии в 1834-35 гг. Авраама Норова. Т.І. СПб., 1853. С. 184-185.
- ⁵ Иса Салах. Ас-Саура... С. 143.
- ⁶ Айру А. Феллахи Египта. М.-Л., 1954. С. 140.
- ⁷ Васильев А.М. Египет и египтяне. М., 1986. С. 130.
- ⁸ Муравьев Н.Н. Турция и Египет в 1832-1834 гг. Т.І. М., 1869. С. 67-68; Клот-бей А.Б. Египет

в прежнем и нынешнем своём состоянии. Ч.Ц. СПб., 1842. С. 205.

- ⁹ Аз-Зият, Абд аль-Халим. Аль-Бина ат-табакий ва ат-танмийя ас-сиясийя фи аль-муджтама иль-мисрий 1805-1952. Каир, 1985. С. 210.
- ¹⁰ Иванов Н.А. Арабо-османская община в XVI-XVII вв. // Народы Азии и Африки. 1990. № 4. С.65-66.
- ¹¹ Богушевич О.В. Первая египетская конституция 1879 г.// Краткие сообщения Института народов Азии. Вып. XLV. М., 1961. С.72.
- ¹² Blant W.S. Secret History of the English Occupation of Egypt. Being of Personal Narrative of Events. L., 1907. P. 483.
- ¹³ Кильберг Х.И. Восстание Араби-паши в Египте. Антибританское национально-освободительное движение в Египте (1879-1882 гг.) М.» Л., 1937. С. 145.
- ¹⁴ Там же. С. 109.
- ¹⁵ См.: Blant W.S. Secret History... P. 173-180, 556-559.
- ¹⁶ Иса Салах. Ас-Саура... С. 394-400.
- ¹⁷ Кошелев В.С. Египет от Ораби-паши... С. 98,
- ¹⁸ Васаик тарихийя ан ас-сура аль-урабийя //ат-Талиа.1966.№3.С.152.
- ¹⁹ Горячкин Г.В. О раннеклассовых выступлениях египетских наемных рабочих в 1882 г.// Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 1982. № 4. С. 30-32; Ураби Ахмад. Такрир ан иль-ахдас алляти вакаат би Мыср. Каир, 1982. С. 42.; Селим Латыф. Аль-кыва аль-Иджтимаийя фи ас-саура аль-урабийя. Каир, 1981. С.355-356.

П. Г. Аграфонов

МНОГОЛИКИЙ ГЕРАКЛ

Свод сказаний о деяниях Геракла сложился из самых разнообразных элементов. В нем слилось не только множество мифов, происходящих из разных областей Греции, но вошло и немало чужеземных. “Хотя Геракл самый греческий из греческих героев, образ его синкретичен. Кроме тех побед, о которых так много говорили в древности, он совершил еще одну — незаметную... он победил множество мифологических персонажей негреческого происхождения и вобрал их в свой образ со всеми их аксессуарами.” [1. С. 68] Диодор Сици-